

«НЕПОНЯТНЫХ УЧЕНИКОВ ... ДОЛГОВРЕМЯННО В ШКОЛАХ НЕ ДЕРЖАТЬ...»: ДЕЛО ОБ ОТЧИСЛЕНИИ УЧАЩИХСЯ МОСКОВСКОЙ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ (1770 г.)

А. Г. Мосин, Уральское отделение Археографической комиссии
Российской академии наук г. Екатеринбург, Российская Федерация

В статье на материалах дела Московской синодальной канторы 1770 г. рассматриваются вопросы успеваемости и причины отчисления студентов пяти младших школ Московской славяно-греко-латинской академии. Всего было исключено 46 учащихся, все они принадлежали к духовному сословию. Для наглядности в статье сведения архивного дела, посвященного отчислению студентов, сведены в таблицу. Анализ данных показывает, что ко времени исключения студентам было от 13 до 23 лет, время обучения колебалось от 4 до 11 лет. Среди причин отчисления из академии чаще других упоминается плохая посещаемость и длительные отлучки без уважительной причины, а также плохое поведение и болезни. Большинство отчисленных студентов (42 человека) были представлены в распоряжение Московской епархии, в ведении которой находились до поступления в академию, судьбой троих предстояло распорядиться Московской синодальной канторе. Исключение из академии за леность, неспособность к учению или предосудительное поведение лишало молодых людей надежды на получение священнослужительского сана, но они продолжали числиться в духовном сословии, поэтому некоторые из них стремились получить должность в синодальной типографии. В статье публикуются прошения двоих отчисленных студентов о содействии в их трудоустройстве.

Ключевые слова: История Русской Церкви, духовное образование в России, Московская славяно-греко-латинская академия, успеваемость студентов.

До открытия в 1755 г. Московского университета наиболее престижным учебным заведением обеих российских столиц оставалась открытая еще в конце XVII в. Московская славяно-греко-латинская академия. С первых лет существования академия имела всесословный характер, получаемое в ней образование имело не только духовные, но и светские черты. Указом 1701 г. подтверждалось, что это учебное заведение предназначается «для ученья всякого чина людей» [3, с. 52].

На протяжении второй половины XVIII столетия в составе учащихся Московской славяно-греко-латинской академии происходили существенные изменения, на которые обратил внимание исследователь истории этого учебного заведения С. К. Смирнов:

«При митрополите Платоне¹ Академия московская приняла по своему составу исключительное значение духовно-учебного заведения: в нее были принимаемы только дети священно- и церковнослужителей, тогда как прежде в нее открыт был доступ и другим сословиям. Исключение сделано было только для типографских служителей, которые по указу 1769 года могли отдавать детей в Академию; но и при сем в указе встречается ограничение: право учиться в Академии давалось только тем, коих отцы вступили в типографию из священнослужительских детей и в подушный оклад не положены. Из других сословий уже не было нужды домогаться вступать в Академию: Университет и народные школы могли

удовлетворять всех желающих просвещения» [4, с. 338].

Процесс превращения академии в чисто духовное учебное заведение начался до утверждения архиепископа Платона (Левшина) в должности ее ректора. Усилиями нескольких ректоров славяно-греко-латинская академия превратилась в главную кузницу кадров приходского духовенства, что требовало уделять больше внимания как качеству знаний учащихся, так и их нравственному облику. Повседневные увещания педагогов не всегда приводили к желаемому результату, поэтому приходилось прибегать к такому радикальному средству, как исключение из академии.

24 сентября 1770 г. в Московскую синодальную кантору было направлено подписанное ректором академии и архимандритом Заиконоспасского училищного монастыря Антонием² и префектом академии иеромонахом Феофилактом доношение следующего содержания:

«Присланным сего 1770 года июня 17 дня ее императорского величества из Святейшего Правительствующего Синода канторы указом, повелено нам имянованным, как о ученике школы грамматики Петре Грязеве, так и о других обучающихся в оной Академии учениках, учинив рассмотрение, кто из тех учеников за болезнью, или за другими неспособностями к наукам безнадёжны, подать в кантору Святейшего Правительствующего Синода по прошествии нынешней вакансии ведомость с по-

¹ Архиепископ Тверской и Кашинский Платон (Левшин) возглавил Академию в 1775 г. (в сане митрополита Московского и Коломенского с 1787 г.).

² Антоний Герасимов-Зыбелин (1730—1797), ректор Московской славяно-греко-латинской академии и архимандрит Заиконоспасского монастыря в 1768—1770 гг.

казанием, коликих кто лет, чьих отцов дети, сколь давно во обучении находятся, какого состояния, не имеется ли за кем дел и подозрений и за чем имянно к продолжению наук впредь неспособны; так же и полученным из Святейшего Правительствующего Синода указом сего сентября 16 дня предписано, чтоб непонятных учеников, которые к продолжению наук никакой надежды о себе не подают, долговременно в школах не держать; в силу которых ее императорского величества указов нами рассмотрено и по засвидетельствованию учителей оказалось безнадежными к продолжению наук всех 46 человек, а по каким имянно причинам, о том явствует в приложенном при сем реестре» [2, л. 1 — 1 об.].

Упомянутым выше указом Синода, полученным в Московской синодальной канторе 17 сентября, предписывалось: «Непонятных учеников, которые к продолжению наук никакой надежды о себе не подают, таковых долговременно в школах не держать, и кои из них окажутся за неимением способных дарований, или за болезнью, к учению неспособны, а в пороках и в побегех не бывали, оных производство к местам оставить на рассмотрение преосвященных архиереев, а ежели из семинаристов найдутся таковые, которые побегими, худыми поступками и развратным нравом себя опорочили, с теми поступать по 9-му Духовного регламента второй части о делах епископов пункту, в коем изображено, чтоб учеников, которой из них крайне туп или хотя и остроумен, да развращен и упрям, и непобедимой

лености, отпускать от школы, отняв им всю надежду чина священнического неотменно» [2, л. 16].

Согласно ведомости 1769 г., в семи школах академии обучалось 288 человек, в том числе в школе богословия было 28 учеников («окончивших богословское учение» — семь, «слушающих третий год богословию» — одиннадцать, «слушающих другой год богословию» — двое и «слушающих первый год богословию» — восемь), в школе философии — 27, риторики — 53, пиитики — 40, синтаксисы — 55, грамматики — 34 и аналогии — 51 ученик [1, л. 3 — 26 об.]. С учетом того, что учащихся двух старших школ, богословия и философии, в упоминаемом выше реестре не значится, отчислению подлежало почти 20 % учащихся пяти низших школ.

Судя по всему, поводом для составления реестра «безнадежным к продолжению наук» послужило прошение учащегося школы грамматики Петра Грязева об отчислении его из академии по состоянию здоровья. В «Ведомости присланным в кантору Святейшего Синода из Московской Академии сего сентября 24-го дня непонятным ученикам» отмечено: «Оной Грязев в канторе Святейшего Синода июня 11-го дня просил о увольнении ево от Академии за болезнью. И по определению велено как об оном, так и о протчих непонятных представить ведомостью по окончании вакации» [2, л. 13].

Сведения о 46 отчисляемых из академии студентах, содержащиеся в реестре 1770 г., обобщены в приводимой ниже табл. 1.

Таблица 1

Сведения о студентах Московской славяно-греко-латинской академии, отчисленных в 1770 г.

№ п/п	Фамилия, имя	Чьих отцов дети	Возраст	Начало учебы	Оценка поведения. Причина отчисления
Школы риторики					
1	Назаров Алексей	Сретенского сорока ц. Сергия Чудотворца, что в Пушкирях, свящ. Алексея Стефанова	23	1760	Худого состояния. За непонятием, частыми и продолжительными отлучками от школы
2	Левитов Михайло	Московской епархии полкового свящ. Ивана Иванова	20	1769 ¹	Состояния безподозрительного (далее — б/п). За своевольною долговременною отлучкою в Санкт-Петербург и поныне
3	Юстинов Петр	Китайского сорока Знаменского м-ря умершего диакона Юстина Васильева	22	1761	За двухлетним побегом
4	Быков Иван	Боровского уезда ц. Сергия чудотворца, что в с. Могутове, бывшего пономаря Петра Григорьева	21	1759	Худого состояния и развращенных нравов. За всегдашними долговременными побегими и худым состоянием
5	Снигиревский Василий	Большого Успенского собора умершего пономаря Ивана Алексея	21	1759	Состояния б/п. За непонятием и многолетнюю примечаемую в нем укоренившуюся болезнью, по которой всегда в отлучках от школы

¹ Вероятно, описка в дате поступления, следует читать: 1759 или 1760.

№ п/п	Фамилия, имя	Чьих отцов дети	Возраст	Начало учебы	Оценка поведения. Причина отчисления
Школы пиитики					
6	Иванов Дмитрий	Пречистенского сорока ц. Бориса и Глеба, что на Поварской, диакона Ивана Петрова	19	1761	За двухлетним побегом от школы
7	Смирнов Иван	Пречистенского сорока ц. Благовещения Богородицы, что на Бережках, дьячка Козмы Дмитриева	18	1763	Состояния б/п. За безпрестанными отлучками и нерадением к наукам
8	Теплов Алексей	Пречистенского сорока ц. Всемилоственного Спаса, зовомой Пятницы божедомской, диакона Ивана Леонтьева	18	1762	Состояния б/п. За двухлетним нехождением в школу
9	Синицын Петр	Пречистенского сорока ц. Рождества Христова, что на Поварской, умершего свящ. Силы Федорова	19	1760	Развращенных нравов. За всегдашними долговременными отлучками от школы
10	Левицкий Александр	Ц. Луки Евангелиста, что на Знаменке, свящ. Евфимия Евдокимова	22	1762	Состояния б/п. За непонятием и болезнию
11	Румянцев Дмитрий	Замоскворецкого сорока ц. Преображения Господня, что на Болвановке, викарного свящ. Петра Васильева	20	1764	Состояния б/п. За всегдашними отлучками от школы по болезни
12	Карташев Гаврила	Синодального дому поддьяка Ивана Михайлова	19	1762	Состояния б/п. За непонятием и за двухлетним нехождением
13	Стефанов Петр	Ивановского сорока ц. Введения Пресвятой Богородицы, что в Барашах, викарного свящ. Стефана Иларионова	17	1762	Состояния б/п. За болезнию, препятствующую продолжать учение
Школы синтаксими					
14	Левицкий Андрей	Московского Покровского собора, что на Рву, свящ. Ивана Иванова	17	1764	Состояния б/п. За крайним нерадением и частыми отлучками от учения
15	Кахановский Андрей	Никитского сорока ц. Николая чудотворца умершего свящ. Алексея Федорова	19	1764	Состояния б/п. За крайнюю леностию и отлучками от школы
16	Соловьев Андрей	Китайского сорока ц. Иоанна Предтечи, что у Варварских ворот, свящ. Стефана Иванова	18	1764	За частым нехождением в школу
17	Измайлов Гаврила	Московского уезда Радонежской десятины с. Измайлова ц. Покрова Богородицы умершего свящ. Василья Иванова	17	1760	Состояния б/п. За непонятием и всегдашними отлучками за болезнию
18	Васильев Илья	Московского уезда Селецкой десятины с. Драчева ц. Трех Святителей пономаря Василья Алексева	20	1762	За крайним непонятием и долговременным нехождением в школу
19	Ключарев Логин	Китайского сорока Покровского собора придела Всех Святых бывшего свящ. Андриана Иванова	17	1761	Состояния б/п. За крайним нерадением о учении
20	Петров Максим	Ружной ц. Риз положения Богородицы, что во Дворце, пономаря Петра Федорова	20	1761	За непонятием и за частыми продолжительными отлучками от школы
21	Афанасьев Михайло	Московского Никитского м-ря дьячка Афанасья Семенова	17	1765	Состояния б/п. За слабым понятием и частыми от школы отлучками за болезнию

№ п/п	Фамилия, имя	Чьих отцов дети	Возраст	Начало учебы	Оценка поведения. Причина отчисления
22	Цветков Петр	Московского Страстного м-ря сторожа Федора Борисова	21	1764	Состояния б/п. За урослыми летами и за болезнию
23	Алексиев Петр	Пехрянской десятины ц. Успения Пресвятой Богородицы свящ. Алексея Никифорова	19	1762	Состояния б/п. За непонятием и частыми отлучками от школы
24	Аничкин Петр	Ивановского сорока ц. Никиты мученика, что в Таганке, умершего дьячка Василья Васильева	16	1762	Состояния б/п. За частыми отлучками и нерадением о науках
25	Бычкарев Стефан	Сретенского сорока ц. Иоанна Воина, что на старом убогом дому, умершего диакона Алексея Васильева	18	1763	Состояния б/п. За частыми побегами от школы
26	Зарин Тихон	Звенигородского у. ц. Николая чудотворца с. Никольского пономаря Василья Максимова	18	1760	За долговременным нехождением
Школы грамматики					
27	Васильев Иван	Сретенского сорока ц. Покрова Пресвятой Богородицы, что в с. Покровском, умершего диакона Василья Иванова	17	1761	Худого состояния и развращенных нравов. За всегдашними побегами и развращенными нравами
28	Соколов Иван	Пречистенского сорока ц. Афанасия и Кирилла, что на Сивцове Вражке, диакона Федора Васильева	17	1764	За непонятием и частым нехождением
29	Грязев Петр	Сретенского сорока ц. Живона-чальной Троицы, что на Грязях, умершего диакона Александра Стефанова	19	1763	Состояния б/п. За двухлетним нехождением в школу по болезни
30	Орлов Корнила	Никитского сорока ц. Рождества Пресвятой Богородицы сторожа Михея Естифеева	18	1768	Худого состояния и развращенных нравов. За частым продолжительным нехождением и развращенными нравами
31	Бычкарев Василий	Сретенского сорока ц. Иоанна Воина, что на убогом дому, умершего диакона Алексея Васильева	15	1763	Состояния б/п. За непонятием и частыми отлучками от школы
32	Сахаров Петр	Пречистенского сорока ц. Николая чудотворца, что на курьих ножках, дьячка Стефана Федорова	14	1764	Состояния б/п. За крайне слабым понятием
33	Кашинцев Павел	Никитского сорока ц. священномученика Ермолая дьячка Матфея Петрова	13	1766	Состояния средственного. За частыми отлучками от школы
34	Крылов Иван	Сретенского сорока ц. Иоанна Богослова придельного свящ. Гаврилы Федорова	16	1764	Худого состояния и развращенных нравов. За продолжительными побегами и развращенными нравами
35	Соколов Гаврила	Замоскворецкого сорока ц. Покрова Пресвятой Богородицы, что на Ордынке, умершего пономаря Петра Семенова	18	1764	Состояния б/п. За крайним непонятием
36	Петров Иван Большой	Китайского сорока ц. Иоанна Богослова, что под вязом, свящ. Петра Семенова	19	1764	За крайним непонятием и частыми отлучками от школы

№ п/п	Фамилия, имя	Чьих отцов дети	Возраст	Начало учебы	Оценка поведения. Причина отчисления
37	Кутилин Петр	Замоскворецкого сорока ц. Иоанна Воина, что в Малых Лужниках, свящ. Алексея Ефимова	17	1765	Состояния б/п. За нехождением продолжительным в школу, якобы по причине глазной болезни
Школы аналогии					
38	Сергиев Василий	Селецкой десятины с. Троицкого Селец ц. Живоначальной Троицы бывшего дьячка Григорья Афанасьева	15	1765	За непонятием и побегам
39	Власов Митрофан	Ивановского сорока ц. Успения Пресвятой Богородицы, что в Гончарах, дьячка Павла Петрова	14	1762	За непонятием и весьма частыми продолжительными отлучками
40	Чебышев Василий	Успенского собора умершего сторожа Ивана Павлова	16	1763	За непонятием и частыми побегам
41	Пылаев Алексей	Никитского сорока ц. Знамения Пресвятой Богородицы свящ. Михайлы Онофриева	17	1766	За двухлетним побегом от школы
42	Онтонов Тимофей	Радонежской десятины с. Измайлова ц. Покрова Пресвятой Богородицы, что на острове, умершего свящ. Онтон Сергеева	17	1768	За всегдашними побегам
43	Андреев Василий	Загородской десятины с. Троицкого Голенища свящ. Андрея Леонтьева	17	1767	За непонятием и частыми побегам
44	Величкин Никита	Пречистенского сорока ц. Рождества Пресвятой Богородицы, что за Арбатскими вороты дьячка Петра Семенова	17	1764	Состояния б/п. За всегдашним нехождением в школу
45	Афанасьев Сергей	Сретенского сорока ц. Покрова Пресвятой Богородицы, что в Покровском, викарного свящ. Афанасья Егорова	14	1768	Состояния б/п. За крайним непонятием
46	Кутилин Илья	Замоскворецкого сорока ц. Иоанна Воина умершего викарного свящ. Алексея Ефремова	14	1768	Состояния б/п. За всегдашними побегам

Примечание. Таблица составлена по материалам «Реэстра Московской славеногреколатинской Академии ученикам, за разными причинами впредь к учению не надежным» (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1, ч. 17 (1770 г.). Д. 219. Л. 2—8).

Просмотр содержания третьей колонки табл. 1 убеждает, что все отчисленные студенты принадлежали к духовному сословию, — наглядное подтверждение того, что славяно-греко-латинская академия стала практически чисто духовным учебным заведением до того, как ее в 1775 г. возглавил архиепископ Платон (Левшин). Почти все, за исключением пономарского сына из Боровского уезда (№ 4), были детьми священно- и церковнослужителей из Москвы и Подмосковья.

Количество отчисляемых по отдельным школам выглядит следующим образом: из риторики — 5, из пиитики — 8, из синтаксисы — 13, из грамматики — 11, из аналогии — 9 учащихся. Таким образом, от старшего класса (риторика) к среднему (синтаксиса) количество отчисляемых учеников возрастает, а затем от среднего к младшему (аналогия) снижается.

Средний возраст отчисляемых по всем пяти школам составлял 18 лет, но для каждой школы в

отдельности он разнится, с заметным понижением от старших классов к младшим: в риторике — 21,5 года, в пиитике — 19, в синтаксисе — 18 лет, в грамматике — 16,5 и в аналогии — 15,5 года.

Самому старшему из отчисляемых студентов в 1770 г., Алексею Назарову из школы риторики, было 23 года, десять из них он провел в академии, самому младшему, Павлу Кашинцеву из школы грамматики — 13 лет, проучился он всего четыре года. Возрастной диапазон отчисляемых по отдельным школам был таким: риторики — от 21 до 23 лет, пиитики — от 17 до 22 лет, синтаксисы — от 16 до 21 года, грамматики — от 13 до 19 лет, аналогии — от 14 до 17 лет.

Средняя продолжительность обучения в академии на момент отчисления составляла 6—7 лет, по школам также прослеживается неуклонное снижение возраста отчисляемых от старших к младшим классам (в скобках приводится средний год поступления в академию): риторика — 8,5 года

(1761/2), пиитика — 8 лет (1762), синтаксима — 7,5 года (1762/3), грамматика — 6 лет (1764), аналогия — 4,5 года (1765/6). Рекордсменами по срокам обучения были студенты школы риторики Иван Быков и Василий Снигиревский, обучавшиеся в академии по 11 лет.

Приведенные в табл. 1 данные позволяют судить о том, как долго можно было обучаться в одном классе, не переходя на следующую, более высокую ступень. В школе аналогии, низшей из пяти школ, подлежавшие отчислению студенты успели проучиться от двух до восьми (!) лет: один из них, 14-летний Митрофан Власов, был принят в академию в возрасте 6 лет и отчислялся «за непонятием и весьма частыми продолжительными отлучками»; другой, 16-летний Василий Чебышев, проучился семь лет и был исключен «за непонятием и частыми побегими». Остается удивляться долготерпению руководства академии, проявленному в отношении учеников, не просто страдавших безнадежным «непонятием», но и упорно игнорировавших занятия.

Всего на одну ступень, до школы грамматики поднялся за девять лет 17-летний Иван Васильев, отличавшийся «всегдашними побегими и развращенными нравами»; семилетнее обучение его однокашника, 15-летнего Василия Бычкарева, было прервано «за непонятием и частыми от школы отлучками»; проучившемуся шесть лет 14-летнему студенту той же школы Петру Сахарову было отказано в продолжении образования «за крайне слабым понятием».

Подлежавшие отчислению студенты поступали в академию в возрасте от шести до девятнадцати лет. Расклад по возрастам выглядит следующим образом: в 6 и 7 лет поступило по одному человеку, в 8—10 лет — от 4 до 6 чел., в 11 и 12 лет — по 8 чел., в 13—14 лет — от 3 до 5 чел., в 15—16 лет — 1—2 чел., в 19 лет — 1 чел. Для наглядности представим эти данные в табл. 2.

Таблица 2
Возраст поступления в Академию студентов, отчисленных в 1770 г.

Возраст поступления	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Число студентов	1	1	6	4	6	8	8	5	3	2	1	—	—	1

Цифры табл. 2 свидетельствуют о том, что от 6 до 11 лет наблюдается рост количества зачисленных в академию, наибольшее число поступивших приходится на возраст 11—12 лет, а затем, начиная с 13 лет, количество начинавших обучение в академии неуклонно снижается.

Из 46 студентов, определенных к отчислению, в особый реестр были зачислены 17 таких, которые «как прежде, так и ныне не являются в Академию» (2, л. 8 об.): из риторики — трое (Алексей Назаров, Петр Юстинов и Михайло Левитов), из пиитики — один (Иван Смирнов), из синтаксимы — трое (Андрей Левицкий, Логин Ключарев и Тихон Зарин), из

грамматики — шестеро (Иван Васильев, Иван Соколов, Павел Кашинцев, Иван Крылов, Иван Петров «Большой» и Петр Кутилин), из аналогии — четверо (Василий Чебышев, Алексей Пылаев, Никита Величкин, Илья Кутилин).

Помимо упоминавшегося ранее Петра Грязева, об отчислении из академии по состоянию здоровья просил еще один ученик школы грамматики, Петр Кутилин, о чем в ведомости 24 сентября 1770 г. сделана соответствующая отметка: «Оной Кутилин по прошению ево и по определению канторы Святейшего Синода для излечения глазной ево болезни отдан на расписку впредь с поставкою по освобождении от болезни к рассмотрению июля 2-го» (2, л. 13).

В той же ведомости имеются примечания, относящиеся к учащимся школы риторики Ивану Быкову и Алексею Назарову. О первом лаконично замечено: «Оной Быков отослан в Крутицкую консис[торию]»; второй студент удостоился более пространной характеристики: «Оной Назаров июля 23-го сего года прислан был из полиции якобы в бою им караульного, которой по допросу в канторе не признался и отдан отцу ево Сергиевской церкви, что в Пушкирях, священнику Алексею Степанову для представления во Академию августа 5-го дня» (2, л. 11).

Итог рассмотрения дела об отчислении 46 студентов славяно-греко-латинской академии был подведен Московской синодальной канторой 4 октября 1770 г. Указав причины отчисления 42 студентов, относившихся к ведомству Московской епархии («за непонятием и болезнями одиннадцать, за непонятием, нехождением семь, за нерадением и нехождением девять, за побегом, худым состоянием и развращенным нравом пятнадцать»), затем перечислив троих, проходивших по ведомству Синода («первой Большого Успенского собора умершего пономаря Ивана Алексея сына Василей, состояния безподозрительного, за непонятием и болезнью, второй синодального подьяка Ивана Михайлова сын Гаврила за непонятием, двулетним нехождением, а третьей Успенского собора умершего сторожа Ивана Павлова сын Василей за непонятием и частыми побегими»), руководство канторы во главе с архиепископом Московским Амвросием¹ вынесло такое определение:

«Из вышеписанных учеников, состоящих в ведомстве Московской епархии сорока двух человек отослать при указе в Московскую духовную консисторию, которой с доклада синодального члена преосвященного Амвросия, архиепископа Московского и Калужского, учинить об них надлежащее в силу объявленного из Святейшего Синода указа рассмотрение и решение, а чьих отцов оные ученики дети и коликих кто лет, и за чем к учению не способны, о том выписав из означенного поданного от ректора архимандрита Антония с префектом реэстра, приложить при оном указе ведомость. Что ж касается до означенных н[ах]одящихся в ведомстве Священного Синода учеников трех человек, то об

¹ Архиепископ Амвросий (в миру Андрей Степанович Зертис-Каменский) (1708—1771), возглавлял Московскую синодальную кантору до 16 (27) сентября 1771 г., когда трагически погиб во время Чумного бунта в Москве.

них учиня подлежащую справку, доложить впредь» (2, л. 17 об.).

После этого всем отчисляемым студентам, присланным в синодальную кантору из академии (таковых в наличии оказалось 39 человек), было предложено расписаться «в том, чтоб они в Московскую духовную консисторию явились сего октября 5-го дня», под угрозой «за неявку неизбежного по указом штрафа неотменно». Далее следуют автографы бывших студентов одного содержания: «Во исполнении сего подписуюсь» (2, л. 22 — 22 об.; далее следовали имя и фамилия). В деле Московской синодальной канторы об отчислении студентов академии имеется также расписка такого содержания: «Присланной из Московской Святейшего Синода канторы обучавшейся в Академии ученик Быков в Крутицкой духовной консистории принят сего октября 17-го (11-го? — *А. М.*) дня» (2, л. 26).

Прежде чем расстаться со студентом Василием Чебышевым, служители Московской синодальной канторы решили разобраться с происхождением его фамилии. В журнале канторы 3 ноября 1770 г. сделана была следующая запись: «Разсуждено у присланного Московской Академии ректора с прочими, к учению не способными учениками, школы аналогии ученика Московского Успенского собора сторожа Ивана Павлова сына его Василья Чебышева взять известие, почему он называется Чебышевым, и доложить» (2, л. 39).

Два дня спустя в журнале появилась новая запись:

«1770-го года ноября 5-го дня в канторе Святейшего Синода присланной из Московской Академии с непонятными учениками школы аналогии ученик Василий Чебышев сказал:

Называется он, Василий, по прозванию Чебышевым, со определения ево во оную Академию, а кем оно ему дано, от учителя или от учеников, за многопрошедшим временем и за малолетством ево, понеже он тогда имел себе от роду десять лет, не припомнит.

К сей скаске Московской академии ученик Васильей Чебышев руку приложил» (2, л. 40).

По этому поводу протоколист канторы Тимофей Миславский заметил: «По скаске Московской Академии ученика Василья Чебышева, что он от кого себе прозвание себе (так! — *А. М.*) Чебышевым получил, за многопрошедшим временем и за малолетством ево не припомнит. Приказали оную скаску привнести в сочиняющейся об нем, Чебышеве, протокол» (2, л. 41).

Наконец, 15 ноября 1770 г. Московская синодальная кантора постановила: «А понеже из вышепрописанного обстоятельства значит, что оногo Василья отец Иван Павлов написан в подушном окладе с прочими наряду дворцовыми крестьянами, того ради приказали помянутого Василья отослать для рассмотрения дворцовой канцелярии в кантору при указе» (2, л. 43).

Двое из отчисленных студентов обратились в Московскую синодальную кантору с прошениями относительно своей дальнейшей судьбы. Прошение Гаврила Карташева, поданное 20 октября 1770 г., было оформлено как челобитье на высочайшее

имя, хотя подлежало рассмотрению в синодальной канторе:

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица Всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьет челом Московской Академии школы пиитики студент Гаврил Иванов сын Карташев, а о чем, тому следуют пункты.

1

Дед мой, именованного, Михаило Леонтьев находился при Синодалном доме певчим, а отец мой и поныне синодалным же подьяком находится, Иван Михайлов, при котором будучи я, именованный, российской грамоте обучен, и потом по указу Святейшего Правительствующего Синода канторы в 1760-м году отослан я, именованный, для обучения греколатинскому языку в Академию, где и находился по нынешней 770-й год. А ныне я ис той Академии за непонятием с прочими прислан во оную Святейшего Правительствующего Синода кантору, которое непонятие мне по большей части чинилось от гловной моей болезни, точию еще ни х каким делам не определен. А ныне я, именованный, желаю быть при делах Вашего императорского величества в ведомстве Святейшего Правительствующего Синода канторы, в московской типографии наборщиком.

И дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение Святейшего Правительствующего Синода в кантору принять и меня, именованного, в вышеозначенную Московскую типографию определить наборщиком.

Всемилолюбивейшая государыня, прошу Вашего императорского величества о сем моем челобитье решение учинить.

Октября ___ дня 1770 года к поданию надлежит Святейшего Правительствующего Синода в канторе.

Челобитную писал я ж, Карташев, и руку приложил» (2, л. 29 — 29 об.).

27 октября Московская синодальная кантора приняла по этому вопросу такое решение: «О определении оногo студента Гаврила Карташева в Московскую типографию наборщиком подлежащее рассмотрение и решение принять Московской типографской канторе, и о том во оную послать указ» (2, л. 30 об.).

Исключенный из школы риторики Василий Снигиревский в своем прошении упирал на то, что ему, помимо прочего, приходится заботиться о пропитании матери и сестры:

«Во оной Московской Академии находился я, именованны[й], с прошлого 1759 года во обучении в разных школах и дошел до оной школы риторики, и то учение свое препровождал с крайним рачением, но по имеющейся у меня внутренней болезни (о которой как и в ведомости, присланной в кантору Святейшего Синода, с прочими впредь к учению не надежными учениками показано), более к вышним наукам достичь не мог. За чем и к рассмотрению в кантору Святейшего Синода прислан. Отец же мой Иван Алексеев находился в Суждалской епархии Зарецкой десятины церкви Покрова Пресвятой

Богородицы, что в селе Коварчине, действительным дьячком, которой по увольнению от Суждалской епархии определен был канторю Святейшего Синода в прошлом 1752-м году Большого Успенского собора в придел великомученика Димитрия Селунского действительным пономарем, которой во оном будучи, нынешнего года волею Божию умре, а я, именованный, после отца своего остался ныне в сиротстве и в крайнем убожестве. При том же имеется ныне при мне мать при старости и сестра девица родные, которые должны пропитание иметь от меня. Родственников же у меня, именованного, как в Москве и особливо в Суждале никого не имеется.

Того ради кантору Святейшего Синода покорно прошу для показанных резонов и по крайнему моему убожеству из единого милосердия, а особливо для пропитания матери и сестры моих приказать определить в Московскую типографию в писцы или к каковому званию могу оказаться способным. И о сем учинить милостивое решение. Октября ___ дня 1770 году прошение писал я ж, Василей Снигиревски[й], и руку приложил» (2, л. 31 — 31 об.)

МОСИН Алексей Геннадьевич, доктор исторических наук, председатель Уральского отделения Археографической комиссии, Российская академия наук (Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: alexg28@yandex.ru

Решение канторы по этому вопросу гласило: «Об оном студенте Василье Снигиревском надлежашее рассмотрение и определение учинить с доклада и приказания синодального члена преосвященного Амвросия, архиепископа Московского, Московской духовной консистории, для чего и отослать ево, Снигиревского, во оную консисторию при указе» (2, л. 35 об.)

Несмотря на то, что отчисление из академии отнимало у молодых людей, которые «побегами, худыми поступками и развратным нравом себя опорочили», «надежду чина священнического неотменно», они, как и исключенные по состоянию здоровья, сохраняли принадлежность к духовному сословию, но должны были прилагать больше усилий для обеспечения своего будущего.

Литература и источники

1. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1, ч. 17 (1770 г.). Д. 9.
2. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1, ч. 17 (1770 г.). Д. 219.
3. Рождественский, С. В. *Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках* / С. В. Рождественский. — СПб., 1912. — Т. 1.
4. Смирнов С. *История Московской славяно-греко-латинской академии* / С. Смирнов. — М., 1855.

Поступила в редакцию 22 февраля 2019 г.

DOI: 10.14529/ssh190203

«DO NOT HOLD THE BLUNT PUPILS IN THE SCHOOLS FOR A LONG TIME...»: THE CASE OF THE EXPULSION OF STUDENTS OF THE MOSCOW SLAVIC-GREEK-LATIN ACADEMY (1770)

A. G. Mosin, alexg28@yandex.ru,
Russian Academy of Sciences, Ural branch Archaeographic Commission,
Yekaterinburg, Russian Federation

In the article the questions of progress of students of five junior schools of Moscow Slavic-Greek-Latin Academy and the reasons for their expulsion are considered on the materials of the case of Moscow Synodal office for 1770. All 46 excluded students belonged to the spiritual estate. Archive case information about expulsion of students are summarized in the table for visualization. Analysis of the data shows, that at the time of expulsion the age of students ranged from 13 to 23 years, and their training time fluctuated from 4 to 11 years. The most common reasons for the expulsion from Academy were poor attendance, long absences without a valid reason, poor behavior and illness. Most of the expelled students (42 out of 46) were placed at the disposal of the Moscow diocese, in charge of which they were before entering the Academy; the fate of three more students had to dispose of the Moscow Synodal office. Students expelled from the Academy for laziness, learning disabilities, or bad behavior, lost hope of receiving the priesthood, although they continued to be registered in the spiritual estate. Therefore, some of them sought to get a position in the Synodal printing. The article publishes the petitions of two expelled students for assistance in their employment.

Keywords: History of Russian Church, spiritual education in Russia, Moscow Slavic-Greek-Latin Academy, progress of students.

References

1. RGADA. F. 1183. Op. 1, ch. 3 (1770). D. 9.
2. RGADA. F. 1183. Op. 1, ch. 3 (1770). D. 219.

3. Rozhdestvenskiy S. V. Ocherki po istorii sistem narodnogo prosvescheniya v Rossii v XVIII-XIX vekah [Essay on history of the systems of folk education in XVIII-XIX centuries]. S-Petersburg, 1912, v. 1.

4. Smirnov S. Istoriya Moskovskoy slavyano-greko-latinskoy akademii [History of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy]. Moscow, 1855.

Received February 22, 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Мосин, А. Г. «Непонятных учеников ... долго-временно в школах не держать...»: дело об отчислении учащихся Московской славяно-греко-латинской академии (1770 г.) / А. Г. Мосин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 2. — С. 20—28. DOI: 10.14529/ssh190203

FOR CITATION

Mosin A. G. «Do not hold the blunt pupils in the schools for a long time...»: the case of the expulsion of students of the Moscow slavic-greek-latin academy (1770). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2019, vol. 19, no. 2, pp. 20—28. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190203
